

Молодой Ленинград*71

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1971 г., 304 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 65 коп.

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

ПОВЕСТЬ
РАСКАЗЫ
СТИХИ
РЕЦЕНЗИИ

1971

Главный редактор
Арк. Минчковский
Редколлегия: М. Глинка,
Г. Горышин, В. Инфантьев,
А. Краснов, В. Максимов,
Р. Погодин
Редактор П.И. Кочурин

Художник А.П. Гасников

Стихи: Александр Вац,
Олег Цакунов,

Алексей Полишкарлов, Александр Житинский, Павел Соколов,
Александр Фенев, Лариса Дианова, Валерий Прохвятилов,
Виктор Пенский, Татьяна Филановская, Август Ярковец, Игорь Поярков,
Лев Левинсон, Леонид Замятнин, Ирина Перцовская, Людмила Андреева,
Александр Комаров, Олег Юрков, Юрий Красавин, Владимир Беспалько,
Алексей Прохвятилов, Николай Чехов, Олег Охапкин,
А. Матюшкин-Герке, Владимир Рецепттер

Проза: Л. Семенов-Спасский, Василий Гудков, В. Кавторин,
Владимир Насущенко, Анатолий Конгро, Юрий Гальперин,
Елена Щедрина, Людмила Агеева, Станислав Родионов, Нина Петролли,
Ганна Немирко, Сергей Довлатов, Ирэна Сергеева

Рецензии: О. Чистовский, А. Шевелев, В. Лысов, Н. Алексеева, В. Суслов,
А. Урес

Александр Комаров

НОВГОРОД

На покой уже пора бы...

Ковыляют вдоль реки
покосившиеся храмы,
как хромые старики.

Века шум для них
не плох ли
у когда-то плавных вод?..

Онемели и оглохли
от строительных работ,
и стоят тихонько с краю,
прикусив колокола,
и,
 как лысины,
 сверкают
золотые купола.

Владимир Рецеттер

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛОРДУ СОУТГЕМПТОНУ

*Лорду Соутгемптону почтительно посвящены
единственные изданные Шекспиром книги*

Высокий покровитель мой, я – Ваш...
Вы мне дарите отблеск Вашей славы,
защиту от ножа в наш век кровавый,
работу, хлеб, бумагу, карандаш.

Высокий покровитель мой, к кому ж,
когда не к Вам, в отчаянье и страхе,
я рвался из смирительной рубахи
безвестности, и голода, и стуж?

Высокий покровитель мой, но где ж,
как не у Вас под левою рукою,
могу побаловаться я строкою
и от невежд спастись и от невеж?

Высокий покровитель мой, ну что ж,
я, право, благодарен этой доле,

сама судьба распределяла роли
мне – среди актеров, Вам – среди вельмож.

Высокий покровитель мой, Вы – мой,
я Вас спасу и облегчу Вам бремя,
я подарю Вам счастье жить во время
мое и скрыться за моей спиной.

Алексей Полишкар

Ночь...

Ветер платаны листает,
Смолкает друзей разговор,
И звезд фосфористая стая
Сверкает над гребнями гор.

Вздыхает уснувшая роща
О чем-то своем до утра,
И пробуют темень на ощупь
Горячие пальцы костра.

Валерий Прохватилов

Мать закутана в платок.
Она глядит из-под ладони,
Как от реки куда-то вбок
Уходят заспанные кони.

Одни лишь контуры видны,
И мать качает головою.
Из предрассветной тишины
Ведет тропинка к водопою.

Наверно, сила не нужна
Воображенья, чтобы стала
Понятна эта тишина
За час до грохота металла,
За час до вздыбленной земли,
До крыши, сорванной снарядом.
...А кони шли со смертью рядом
И знать про это не могли.

СТРАННЫЙ БОБ

– Она никогда не принимала меня всерьез, – сказал Борис Дмитриевич. – Теперь это не имеет значения.

Был серенький октябрьский вечер, тихий и дождливый, когда листья на дорожках под деревьями становятся скользкими, а морозящий, невидимый дождь едва заметно рябит лужи на асфальте, растворяется в воздухе, угрожая превратиться в туман.

Борис Дмитриевич, еще молодой, но уже с проседью, с болезненным лицом человек, возвратился с кладбища, озябший и расстроенный видом голых могил, оград, пожухлой травы на обочинах кладбищенских дорожек. Особенно неприятно было ощущение мокрых листьев под ногами. Подошвы скользили. Он терял уверенность и равновесие и спешил поскорее выбраться с кладбища, и ему совестно было, что он спешил.

Дарья Филипповна, соседка, тридцатилетняя вдова, видела как он, стараясь не шуметь, повесил в прихожей пальто и мягкую шляпу, снял старенькие, пропускающие влагу туфли и отыскивал на ощупь тапки, стоя на холодном полу в сырых носках.

Дарья Филипповна заглянула в свою комнату, подкрасила губы, поправила подушку на узкой кровати. Затем отнесла его туфли в ванную, вынула стельки и положила на теплую батарею.

– Не хотите ли чаю?

Горячий чай подействовал. Стало легко, светло и грустно, и захотелось высказать что-то спрятанное в глубине, в душевной тесноте, внутри, куда никто не заглядывал, может быть потому, что он сам никого туда не впускал. Впрочем, он не знал, почему так.

Они пили чай в неуютной комнате холостяка, где на полу, на стульях, на стеллаже, на письменном столе, в углу лежали стопками и просто вразброс детские книжки.

Борис Дмитриевич работал режиссером в редакции детских передач на радио. Его передачи нравились, но он был убежден, что ничего не смыслит в детях, и обычно подтрунивал над своей работой. Сегодня ему не хотелось шутить. Девочка спала в другой комнате. Дарья Филипповна и Борис Дмитриевич разговаривали тихо, чтобы нечаянно не разбудить ее...

– Она говорила мне: «Боб, ты славный, но несерьезный человек».

– Вы и вправду несерьезный человек, Борис. Кто отец девочки? – спросила Дарья Филипповна.

– Она не знает. А может быть, и я ее отец?

– Послушайте доброго совета. Вам надо устраивать свою жизнь. Кому вы нужны такой несерьезный, да еще с чужим ребенком?

– Странно вы рассуждаете: чужой или свой. Это ведь ребенок!

– Год прошел, а вы так ничего и не решили. И каждое божье воскресенье ходите на кладбище.

– Не каждое. Я бы хотел, да не получается.

Дарья Филипповна пододвинула к нему вазочку с вареньем.

– Вы очень любили ее? – спросила она, сдерживая дыхание, от чего в комнате сделалось совсем тихо.

– Не знаю. Не надо, Даша. И зачем говорить об этом сейчас. Я ведь и проститься не успел. Даже где живут они, не знал. И девочку до этого не видел...

И он вдруг сам притих от удивительного ощущения, оставленного в памяти тем ожиданием, когда много лет у него не было ничего – ни письма, ни слова, ни известия, ни дыхания ее в телефонной трубке. Многие годы совсем ничего. Поэтому он ревниво берег память ощущений, редкий дар человека, способного понимать и уважать даже оттенки чувств.

– Девочка очень похожа на нее, – сказал он вдруг. – И больше ни на кого.

В комнате рядом послышался шум, будто упало что-то легкое. Шаги босых ног. Шевельнулась тяжелая портьера. Девочка лет семи, босая, в простой белой рубашке до пят, испуганно вытирала ладонью мокрые глаза. Косичка, заплетенная на ночь, распалась, и темные волосы ее падали на плечики, обрамляя бледное заплаканно лицо.

– Мама.. упала... с четвертого этажа, – произнесла она наконец.

Борис Дмитриевич опустил на корточки.

– Анечка, успокойся, это только сон, дурной сон... Мы с тобой, и ничего не случилось.

Но девочка плакала, и он замолчал. Наконец она выплакалась. Улыбнулась.

– Ты совсем смешной, Боб. И совсем не научился меня успокаивать. А еще обещал, – сказала она.

– Я научусь, – пообещал Боб. Он все еще сидел на корточках.

Дарья Филипповна повела девочку в спальню:

– Надо спать, Анюшка, поздно уже...

– Она, как и ее мать, не принимает меня всерьез, – пробормотал Боб.

Когда Дарья Филипповна вернулась, он сидел за столом и пил холодный чай.

– Так что же будет с нами со всеми? – спросила она.

– Ребенку нужно тепло и дом.

Дарья Филипповна махнула рукой. Они посидели еще немного. Каждый думал о своем и о девочке.

– Поздно уже, – сказала соседка. Она хотела убрать со стола, но опять махнула рукой: завтра уберу.

Она ушла. Она тоже не принимала его всерьез.